

DOI: 10.31857/S086919080013507-4

ИНДИЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА *VERSUS* БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

© 2021

А.Л. САФРОНОВА^а

^а – Институт стран Азии и Африки,
МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1554-3449; al-safr@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена анализу взаимодействия двух различных политических традиций, сложившихся в процессе установления господства Великобритании в Южной Азии и формирования системы британской политики в отношении индийских княжеств. В статье рассматриваются отличительные особенности политических традиций в княжеской Индии, которые демонстрируют развитие синтетических монархических представлений, соединяющих концепцию царской власти в традиционной индусской Индии с идеалами правления эпохи Великих Моголов, когда ислам становится религией верхов, и обычаями британского королевского дома, освященными установлениями англиканской церкви. В статье показано, как при сохранении традиционных моделей правления в доколониальной Индии и элементов британской политической культуры, связанной с монархическими идеалами, пробивают себе дорогу демократические идеи как британского парламентаризма, так и индийского национально-освободительного движения. В статье отражены новые подходы и оценки в современной историографии по проблемам развития княжеств. Вместо привычной констатации того, что княжества являют собой эпилог отжившего свой век средневековья и заслуживают быть отправленными «на свалку истории», работы современных авторов поднимают ряд актуальных для исторических исследований вопросов: какими путями формировались индийские княжества, следует ли рассматривать их как творение британцев или как продолжение развития индийской государственности в противовес колониальному устройству британских провинций, следует ли считать княжескую Индию тормозом на пути прогресса и модернизации, образцом «неизменной Индии» или рассматривать ее как инаковый по отношению к колониальному путь приспособления традиционных структур к веяниям времени («модернизация традиционализма»), можно ли ассоциировать прогресс именно с западной моделью социально-политического развития или же возможна «альтернативная модернизация», каковы перспективы развития традиционных страт в современном мире, являются ли исторически сформировавшиеся привилегированные общности в сегодняшней Индии реликтовыми группами, «социальными фантомами», или же они успешно вписались в современную структуру индийского общества.

Ключевые слова: Княжеская Индия, Британская Индия, Британская империя, Британское содружество наций, дарбар, Палата князей.

Для цитирования: Сафронова А.Л. Индийские княжества *versus* Британская империя: историческое взаимодействие политических традиций. *Восток (Oriens)*. 2021. № 1. С. 82–92.
DOI: 10.31857/S086919080013507-4

INDIAN PRINCELY STATES *VERSUS* BRITISH EMPIRE:
HISTORICAL INTERACTION OF POLITICAL TRADITIONS

© 2021

Alexandra L. SAFRONOVA ^a

^a – Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1554-3449; al-safr@yandex.ru

Abstract: *The article is dedicated to the analysis of the interaction of two different political traditions formed in the process of the establishment of British rule in South Asia in general and Indian princely states in particular. The article focuses on specific features of political traditions in Indian princely states, demonstrating the peculiar combination of precolonial forms of political power in Hindu kingdoms and the Mughal state with its Islamic values, on one hand, and elements of British political traditions, including both monarchical rule and parliamentary institutions, on the other. The article shows the way, in which traditional institutions of political power in princely states managed to survive in the 19th and the 1st half of 20th century through the calamities of history and find its place among the system of British political innovations in the South Asian regions of indirect rule. The article reveals the evolution of the relationship of Indian princely states both with British Empire and national forces of British India, struggling for independence, abolition of monarchical institutions and the establishment of republican rule in India. The article shows the process of transformation of the attitude of British ruling circles to traditional elites of South Asia and reflects changing repercussions of this problem in national historiography. The article raises questions whether the princely dynasties of India can be measured in terms of “social fantom’s” traditional groups destined to extinction after independence and establishment of republic or they managed to become a part of modern composite ruling stratum of the Indian society.*

Keywords: Indian princely states, British India, British Empire, British Commonwealth, darbar, Chamber of Princes.

For citation: Safronova A.L. Indian Princely States versus British Empire: Historical Interaction of Political Traditions. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 1. Pp. 82–92. DOI: 10.31857/S086919080013507-4

К середине XIX в. все княжества Индии тем или иным путем (в результате прямых военных захватов или заключения вассальных «субсидиарных договоров») потеряли независимость и были подчинены Ост-Индской компании, а затем в ходе реформ, произведенных в 60–70-е годы XIX в. после подавления Сипайского восстания 1857–1859 гг., перешли под власть британской короны. К этому же времени завершилось завоевание Индии. Все аннексированные территории образовали так называемую Британскую Индию, или Британские провинции. Остальная часть Индии состояла из княжеств и называлась англичанами «туземная Индия», или «княжеская Индия». Большинство индийских княжеств сформировалось к началу английского владычества в результате распада державы Великих Моголов, лишь немногие из них возникли задолго до прихода англичан в Индию.

«КНЯЖЕСКАЯ ИНДИЯ» КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ИДЕЙНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ КНЯЖЕСТВ: «РЕФОРМАТОРСТВО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА» И «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ РЕФОРМАТОРСТВА»

Индийские княжества (их насчитывалось около 600) занимали 45% Южной Азии, их население приближалось к середине XX в. к 100 млн жителей. Княжества просуществовали вплоть до 1947 г. и были упразднены в процессе обретения Британской Индией независимости и последующей их интеграции в доминионы Индийский союз и Пакистан. Юридическое оформление статуса индийских княжеств в их отношениях с британской короной относится ко времени провозглашения королевы Великобритании Виктории императрицей Индии в 1876 г. (церемония в Индии состоялась 1 января 1877 г.).

«Викторианская эпоха», продлившаяся до начала XX в., стала временем «классической модели» взаимодействия двух различных политических систем – британской и традиционной индийской, отличавшихся как стадийными, так и цивилизационными характеристиками. Британские монархи, начиная с Виктории (1876–1901), санкционировали княжескую власть (1901–1910 гг. – Эдуард VII, 1910–1936 гг. – Георг V, 1937–1949 гг. – Георг VI), подтверждали право князей на правление и владение землей.

Согласно провозглашенному принципу так называемого «верховенства», князья подчинялись не генерал-губернатору, а непосредственно британской короне. С этой целью был учрежден пост вице-короля, впрочем, эти посты в действительности занимал один и тот же представитель метрополии. Система косвенного правления, применявшаяся в княжествах, в отличие от системы прямого правления в провинциях Британской Индии, подразумевала автономию во внутренних делах, но не свободу в общении друг с другом или с иными государствами. Индийские княжества управлялись вице-королем через специальный Политический департамент, посылавший в крупные княжества (такие как Хайдарабад, Майсур, Джайпур и Кашмир, Траванкур, Гвалиор, Джайпур и др.) своих эмиссаров – английских резидентов, а в мелкие княжества, вкрапленные в территорию Британской Индии и объединенные в агентства, – английских агентов [Девяткина, 1961, с. 7–10].

Большинство авторов, писавших о княжествах в период становления национальной индийской историографии, крайне отрицательно относились к оценке их уровня развития, называя его «средневековым», и посвящали свои труды изучению провинций Британской Индии, к которым применяли понятия модернизации и прогресса [Collins, Lapierre, 1975, p. 165–181]. Индийские политические деятели того же периода разделяли эту точку зрения, называя княжества «анахронизмом», а также «английской пятой колонной в Индии» [Неру, 1989, с. 38, 46]. В 1980–1990-е гг. – первые десятилетия XXI в. появляются работы, в которых сложившиеся стереотипы воспроизведения «княжеских сюжетов» сменяются стремлением авторов объяснить специфику политических, социально-экономических и культурных феноменов княжеской придворной жизни. В работах Б. Рэмьюсак [Ramusack, 2004], Й. Копланда [Copland, 2002], Ч. Аллена и Ш. Дживеди [Allen, Dwivedi, 1986], Дж. Паула [Paul, 2003], Б. Пати, И. Сен и др. [India's Princely States..., 2010] показана роль «княжеской Индии» в политических процессах XX в. – периода борьбы за предоставление независимости и становления современной политической культуры.

Вопреки устоявшемуся представлению о том, что княжества оставались в стороне от политической активности народов южноазиатского субконтинента, исследования последних лет показывают, что деятельность князей и их окружения была заметна и носила многовекторный характер. Она преследовала, однако, иные цели, чем протестные движения индийских национальных сил в провинциях Британской Индии.

Князья были прочно привязаны к политической жизни Британской империи и британского королевского дома. Они участвовали в Имперских конференциях, в деятельности

Лиги наций, Конференциях «круглого стола» в Лондоне начала 1930-х гг., княжеские воинские подразделения участвовали в двух мировых войнах. Особо стоит отметить деятельность Палаты князей, образованной в 1921 г. и распущенной в 1947 г., призванной координировать политическое и экономическое развитие княжеских территорий. Княжеские династии Синдия в Гвалиоре, Гаеквад в Бароде, Холкар в Индоре, Сисодия в Меваре, Водеяр в Майсуре, Асаф Джах в Хайдарабаде и др. проводили значимые реформы в системе управления, связанные со стремлением модернизировать политическую систему и повысить экономический уровень развития в своих владениях [Ramusack, 2004, p. 41]. Дж. Неру, критически относившийся к княжествам, тем не менее отмечал достижения отдельных княжеств, в частности, подчеркивал, что «Майсур, Траванкур и Кочин по уровню образования значительно опередили Британскую Индию» [Неру, 1989, с. 37].

Следует признать, однако, что наряду с такими княжествами, как Гвалиор, Майсур, Хайдарабад с их программами реформирования политических и экономических структур, в массе своей княжества по показателям экономического развития стояли ниже абсолютного большинства провинций Британской Индии, где высокого уровня достигла фабрично-заводская промышленность и бурно развивались различные сферы предпринимательской деятельности [Dwiwedi, 2000, p. 12]. Дж. Неру в книге «Открытие Индии» констатирует, что княжества не могут рассматриваться как отдельные экономические единицы: «Если бы возник экономический конфликт между Индией княжеств и Индией, не входящей в княжества, то первую можно было бы легко привести в подчинение с помощью тарифных барьеров и других экономических санкций» [Неру, 1989, с. 38].

Власть правителей в княжествах по традиции, уходящей в глубь веков, была освящена религиозными институтами (индусскими, мусульманскими или сикхскими) в соответствии с вероисповеданием князя и его двора. В индусских княжествах правители считались воплощениями божеств и вели свой род от Рамы. В мусульманских княжествах обращались к стереотипам правления эпохи Великих Моголов. В рамках же Британской империи индийские князья имели над собой общего сюзерена в лице британского монарха и соблюдали обычаи и традиции монархии-метрополии. Князья в массовом сознании выступали как сакральные персонажи, этому способствовали пышные театрализованные церемонии, сопровождавшие все обряды жизненного цикла правителя и его двора, закреплявшие представления о его божественной сущности.

В княжествах превалировали традиционные формы общественно-политической мысли. Политизированная элита княжеств предпринимала значительные усилия по конструированию «имиджа» «просвещенной монархии». Этими преобразованиями была занята и Палата князей: входившие в нее князья ставили своей целью превращение абсолютных монархий в конституционные. Опыт современной Европы, и особенно Великобритании, играл роль в процессе становления идей об идеальном правлении и выработки политической программы. Многие князья были знакомы с работой британского парламента. Британская политическая и общественная практика влияла на формирование представлений о государственном устройстве и политических идеалах. Нарождалась и местная интеллектуальная верхушка, получившая европейское образование и ратовавшая за создание представительных институтов и националистических организаций в княжествах, она черпала свои демократические идеалы и в современных парламентских системах, и в традициях индийской доколониальной государственности [Неру, 1989, с. 37–46]. Многие реформы, проводившиеся в княжествах в последней четверти XIX – первой половине XX в., не были связаны с разработкой новых форм политической организации, а были направлены на приспособление традиционных институтов к условиям современности. В результате возникали смешанные концепции развития, вмещающие в себя как элементы эволюции

в рамках традиционализма, так и реформаторские подходы к переустройству властных структур. Если же говорить о специфике британской политики в отношении княжеств, то она была нацелена на подстройку системы управления в них под стандарты британской короны. Такая линия была характерна для второй половины XIX – начала XX в. С начала 1930-х гг. реформы властей были связаны с подсоединением князей к законодательным и исполнительным институтам провинций Британской Индии.

СИНТЕЗ ИНСТИТУТОВ ПРАВЛЕНИЯ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА И БРИТАНСКИХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

Столкновение традиционного индийского общества с британской социально-политической системой в процессе колониального проникновения вызвало к жизни многообразные и разноплановые формы поиска модели управления княжествами, сочетающей идеи модернизации властных институтов с попытками возрождения политической архаики.

Дарбар, как и во времена Великих Моголов, сохранил свою функцию регулирования политической жизни в княжествах и представлял собой съезд придворных и представителей высших слоев общества для обсуждения вопросов внутренней жизни. Дарбары продолжали проводиться по классическому могольскому сценарию, практически не различавшемуся в индусских, сикхских и мусульманских княжествах. Выезд был непременной составной частью дворцового церемониала, подчинялся этикету и установленному регламенту. В помпезных и многолюдных процессиях махараджей и навабов принимали участие британские резиденты и агенты, а также прибывавшие на княжеские дарбары вице-короли и сопровождавшие их лица [Paul, 2003, p. 159–161; Allen, Dwiwedi, 1986, p. 170–183]. Традиционный церемониал со временем оброс возникшими в колониальный период нововведениями. К ним относилась обязательная встреча правителями княжеств вице-короля и его свиты, прибывавших в специально оборудованном для таких случаев белом с позолотой поезде, и торжественное препровождение их в специально подготовленные покои во дворце. От участия во встрече вице-короля были освобождены в качестве особой привилегии лишь правители Хайдарабада, Джамму и Кашмира, Майсура, Гвалиора и Бароды, которым дозволялось дожидаться британских представителей в своих дворцах. Государственные банкеты и званые обеды стали проводиться по европейским образцам, вошли в обиход балы и маскарады, не являвшиеся ранее составной частью индийских дарбаров, состязания по крикету. Вместо карет и слонов, служивших средством передвижения знатных особ в пышных процессиях, стали использоваться роскошные роллс-ройсы с золотой и серебряной отделкой и обитыми тигровыми шкурами салонами, выполненные на заказ в Лондоне. Вместе с тем из обихода не вышла традиционная охота на тигров, кабанов и других крупных животных (шикар), являвшаяся любимым развлечением махараджей и неотъемлемой частью дарбара.

Исторически сложившееся взаимодействие индийских княжеств и британских имперских институтов привело к формированию уникальной политической системы княжеств, отстаивавших перед лицом британцев свое право на традиционные для истории Индостана монархические модели управления, с одной стороны, и перенимавших элементы политической системы британской монархии, сочетавшей монаршее правление с развитием представительных институтов власти – парламентом, с другой. Несомненно, европейское присутствие стимулировало процесс модернизации, но в своих попытках осуществить ее правящая элита княжеств опиралась в то же время и на реформаторский опыт собственных предшествующих поколений, и на идеи государственного управления, порожденные на земле Индостана [Сафронова, 2017, с. 566–568].

Князья стали создавать совещательные органы при дворе – диваны, вводить посты министров, которым делегировали часть своих полномочий. Британские резиденты и агенты были важной составляющей этих представительных органов, являясь советниками князей и координаторами их деятельности во внешних, а нередко и внутренних делах княжеств. Подобные реформы способствовали постепенной трансформации абсолютных монархий в конституционные. В ряде княжеств (Хайдарабаде, Майсуре) были предприняты попытки реорганизовать войска по европейскому образцу и обучить их под командой западных инструкторов. Наиболее просвещенные князья и их ближайшее окружение понимали, что могольская традиция государственного устройства и военно-административной системы, которой они продолжали пользоваться на постмогольском пространстве, нуждалась в реформировании. Англичане, в свою очередь, использовали в строительстве своих отношений с князьями традиционные формы управления с участием в них британской стороны: в результате возникла такая синтетическая форма управления как британские дарбары, проводимые вице-королями [Paul, 2003, p. 200–204].

Церемониал, сложившийся во взаимоотношениях княжеских дворов и британских властей, был основан на культуре дарбара (“Darbari system”), заимствованной у правителей Могольской эпохи и трансформированной с учетом реалий колониального времени. Британцы подчеркивали тем самым «преемственность» власти, называя себя «правопреемниками Моголов». В свою очередь, князья подчеркивали лояльность британскому трону, называли «радж» – «лучшим иностранным правлением», а английского короля – покровителем религий Индостана. В 1903 г. британскому монарху Эдуарду VII было вручено послание по случаю провозглашения его королем-императором Индии с пожеланием благословения индусских божеств. Подобное же послание получил и Георг V в 1911 г. во время прохождения аналогичной церемонии [Ramusack, 2004, p. 208–211].

Британские дарбары проводились в 1859, 1877, 1903 и 1911 гг. [Morris, 1998, p. 266–274]. Интересно отметить, что дарбары проводились в Агре, а преимущественно в Дели в то время, когда столицей оставалась Калькутта. Для британской стороны было важно закрепить в сознании индийцев исторические ассоциации, связывающие британское правление с могольским, по меткому выражению Дж. Паула, «примерить на себя тюрбан Великих Моголов» [Paul, 2005, p. 201].

Английские правители организовали в ноябре 1859 г. в Агре большой прием – дарбар, куда для встречи с вице-королем, лордом Каннингом, были приглашены отдельные владетельные князья. На этом дарбаре они получили различного рода пожалования, благодарности и подарки от имени британской короны. В 1869 г. Индию посетил сын королевы Виктории, герцог Эдинбургский, и лично встретился с некоторыми князьями.

Следующий дарбар состоялся (как и все последующие) в Дели в 1877 г., спустя двадцать лет после Сипайского восстания 1857–1859 гг.: премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли и вице-король Индии лорд Литтон решили возродить могольскую традицию во всем ее величии и утвердить среди индийцев представление о том, что англичане наследовали власть от Моголов. На дарбаре королева Виктория была провозглашена императрицей Индии.

Дарбар 1903 г. был приурочен к восшествию на престол короля Эдуарда VII и был связан с чествованием лорда Керзона на посту вице-короля. Лорд Керзон прибыл на дарбар в паланкине, установленном на спине роскошно декорированного слона, подчеркивая связь индийской и британской политической традиций.

Дарбар в декабре 1911 г. был организован по случаю визита британского монарха и отличался самым большим размахом и роскошью. Кульминацией праздника был тронный выход имперской четы – короля Георга V и королевы Марии, в коронах и пурпурных ман-

тиях, отороченных горностаем, – и приветствие их князьями. На дарбаре король Георг провозгласил перенос столицы из Калькутты в Дели [Ferguson, 2003, p. 284–294].

Под проведение дарбаров была выделена специальная гигантская территория (на месте современного Нью-Дели), к ней была специально построена железнодорожная ветка для доставки необходимого оборудования для проведения грандиозных парадов и пышных празднеств. К этому времени относится и начало возведения величественного комплекса правительственных зданий, в которые после переноса столицы из Калькутты в Дели переехала колониальная администрация и в которых впоследствии разместятся правительственные учреждения Республики Индии после завоевания страной независимости. Здесь же будут проводиться парады и торжественные церемонии, связанные с государственными праздниками Индии.

Судя по колониальной документации, британские власти ранжировали князей по положению в сложившейся в рамках Британской империи иерархии и установленной системе соподчинения. Они рассматривали княжества в зависимости от числа залпов, которыми приветствовались князья при торжественных церемониях, к которым в первую очередь относились дарбары. Так, княжества делились на «салютные» (“Salute States”) и «несалютные» (“Non-Salute States”). Княжества первой группы составляли примерно 1/5 часть от общего числа, и количество залпов в их честь варьировалось от 21 до 9. Они пользовались наибольшим числом привилегий, дарованных им британской короной. «Табель салютов», введенный впервые в 1864 г., стал важным документом, упорядочивавшим иерархию князей. Низам Хайдарабада и махараджи Джамму и Кашмира, Гвалиора, Бароды, Майсура были удостоены 21-залпового салюта; князья Индора, Траванкура, Колхапура, Бхопала, Мевара и Калата – 19-залпового. Далее следовали княжества, статусу которых соответствовали 17, 15, 13, 11, 9 залпов. Титул «махараджа» закреплялся за князьями, в честь которых производилось не менее 13 залпов, в то время как титул «раджа» был употребляем применительно к рангам, соотносимым с 11 и 9 залпами [Allen, Dwiwedi, 1986, p. 290–293; Алаев, Вигасин, Сафронова, 2018, с. 351–353].

Князья наделялись целым рядом почестей, варьировавшихся в зависимости от их положения в иерархии, построенной британцами. Они даровали князьям гербы по образцам британской геральдики, для них были учреждены специальные награды – Орден звезды Индии, Имперский Орден короны Индии, Орден Британской Индии. Индийским князьям вручали Орден Бани и Орден Подвязки. Их посвящали в рыцарское достоинство, производили в баронеты, они получали высшие военные награды Британской империи – Крест Ордена Виктории. Они имели право свободного допуска к вице-королю и государственному секретарю по делам Индии [Ruling Princes and Chiefs of India..., 2005, p. 3–6]. Между тем британцы никогда не использовали при обращении к индийским правителям слова «король», «королевский» и т. п. Вместо этих терминов англичане употребляли слова «князь», «княжеский» и т. п.: королевские титулы могли относиться только к одному лицу – британскому монарху. Количество салютов в честь британских представителей власти превышало верхнюю планку у князей: вице-короля Великобритании приветствовали 31 залпом, а самого британского монарха – 101 залпом [Allen, Dwiwedi, 1986, p. 71–72].

Постепенно сложилась своеобразная культурная традиция англо-индийского колониального общества, вместившая в себя как старинные индийские традиции княжеских династий, так и британские обычаи – балы и званые обеды, чайные рауты после матча в теннис, поло или крикет, верховую езду, охоту и т. п. Княжеские элиты проявляли немалый интерес к культуре европейцев, увлекались предметами роскоши, привезенными из Европы, которыми они украшали интерьеры своих дворцов. Властители княжеств нанимали на службу европейских инженеров, архитекторов, художников. В результате под влиянием европейского искусства возникали новые оригинальные стили местной архитектуры и живописи. В большинстве своем князья были «англофилами» [Paul, 2003, p. 217–219].

Система воспитания и образования наследников княжеских родов соединяла в себе передачу новому поколению традиционных ценностей и знаний с привлечением с раннего детства к их воспитанию английских учителей и наставников. Подростки княжеские наследники продолжали свое обучение в привилегированных колледжах, руководимых преподавателями из метрополии. Наиболее известными были Майо-колледж в Адждмере, Дали-колледж в Индоре, Раджкумар-колледж в Раджкоте, Атчисон-колледж в Лахоре. Англичане поощряли такую систему, полагая, что она будет способствовать воспроизведению нового поколения индийских князей, лояльных британской короне. Князья же, в свою очередь, считали, что нахождение у них на службе выходцев из метрополии повышает их княжеский статус в иерархии элитарного англо-индийского общества [Paul, 2003, p. 33].

Князья были убеждены в нерасторжимости их союза с британской короной и уверенно чувствовали себя под ее сенью.

«КНЯЖЕСКАЯ ИНДИЯ» В БРИТАНСКИХ ПЛАНАХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЮЖНОЙ АЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В XX в., после окончания Первой мировой войны, последовала эпоха политических реформ, связанных с процессом постепенного демонтажа основ Британской империи и трансформации её в Британское содружество наций, отразившая борьбу идей по колониальному вопросу между консерваторами, либералами и лейбористами в метрополии. Эта линия, направленная прежде всего на изменение институтов власти в провинциях Британской Индии, коснулась и княжеской Индии.

Князья рассматривали политическую активность националистов Британской Индии как угрозу своим позициям и стремились обособить собственные владения от влияния политических партий в провинциях Британской Индии, препятствовали проникновению представителей любых политических партий, будь то секулярный Индийский национальный конгресс – ИНК, или партии, стоявшие на религиозных позициях и отстаивавшие интересы мусульманской общины (Мусульманская лига – МЛ), индульской общины (Хинду маха сабха – ХМС), сикхской общины (Акали дал – АД). Между тем они внимательно следили за ходом политических реформ колониальных властей в провинциях Британской Индии (реформы Морли–Минто 1909–1910 гг., реформы Монтегю–Челмсфорда 1918–1919 гг., Конституция 1935 г.). Они опасались растущих связей лидеров политических партий провинций с британской колониальной администрацией, потери своих эксклюзивных позиций в общении с британскими властями. Продолжая проводить политику изоляции княжеств от провинций Британской Индии, они не только стали проявлять растущий интерес к событиям в них, но и пытались оказать влияние на британскую политику в провинциях. Князья заявляют о своем желании участвовать в представительных органах власти наряду с элитами провинций. Англичане откликаются на этот политический запрос и внедряют княжеские элиты в систему управления провинций, поддерживая в то же время изоляционистскую политику князей в отношении эmissаров националистических организаций из провинций (ИНК, МЛ, ХМС и др.) [Documents and Speeches, 1985, p. 30–48].

Особенно возрос интерес князей в связи с проведением реформы Монтегю–Челмсфорда 1918–1919 г., согласно которой вводилась диархическая модель правления: расширялся круг избирателей в провинциальные и центральный законодательные органы, индийские элиты допускались к управлению колонией. На глазах княжеского сообщества создавалась альтернативная им привилегированная группа из высших политизированных страт провинций Британской Индии, с которыми власти не могли уже не считаться: лидеры Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги обретают все большее влияние и авторитет среди индийского общества, становятся кумирами и властителями дум абсолютного

большинства населения. На политической арене появляется М.К. Ганди, обретающий черты харизматического вождя, и начинает проводить в жизнь идеи ненасильственного сопротивления, поднимает население провинций на первую общендийскую кампанию гражданского неповиновения (сатьяграху) начала 1920-х гг. На фоне распространения идей демократии и секуляризма, с которыми ассоциируется будущее прогрессивное развитие страны, традиционные княжества и их правители-монархи начинают рассматриваться образованной частью индийского общества как «вчерашний день индийской истории».

Все эти обстоятельства приводят князей к осознанию необходимости объединить свои усилия и выработать единые требования в отношении метрополии. В 1921 г. была образована Палата князей. Она стала совещательным органом при вице-короле. Председательство в Палате князей последовательно осуществляли князья Биканера, Патиалы, Навагара, Бхопала. Интересно отметить, что низам Хайдарабада, крупнейшего княжества на Декане, не пожелал вступать в Палату князей – он рассчитывал на уникальный статус своего княжества, не нуждавшийся в поисках союзников в среде других князей. Такую же позицию занял и махараджа Майсура. Князья стремились закрепить свои привилегии, усилить свою роль в решении вопросов политического реформирования Британской Индии [Copland, 2002, p. 45–49].

Британские власти, в свою очередь, проявили стремление к оценке реального положения на территориях княжеств, возможности включения князей в представительные институты провинций и, наряду с комиссией Саймона, работавшей в провинциях с 1928 г., учредили комиссию Батлера для обследования княжеств. В 1929 г. комиссия представила парламенту отчет с подробным описанием княжеств и предложениями касательно перспектив их дальнейшего развития. Княжеская делегация принимала участие в конференциях «круглого стола» в Лондоне, проводившихся в 1930–1932 гг., на которых обсуждались вопросы перспектив дальнейшего конституционного развития британских владений на Индостане.

Подписание Вестминстерского статута 1931 г., провозглашавшего гарантии предоставления статуса доминиона всем британским колониям, вызвало неоднозначную реакцию в княжеской среде. Вставал вопрос: каков будет статус княжеских владений в случае предоставления Британской Индии статуса доминиона. Менялась и политика англичан в отношении князей вместе с трансформацией колониальной Британской империи в Британское содружество наций.

Позиция британских властей была зафиксирована в Законе об управлении Индией 1935 г., вошедшем в историю как Конституция 1935 г. По новому закону, состоявшему из двух частей («Федеральная схема» и «Провинциальная автономия»), Индия должна была представлять собой федерацию Британских провинций и княжеств. «Федеральная схема» обеспечивала князьям значительную роль в законодательных органах провинций. В то время как членство в федерации было обязательным для провинций, княжества наделялись свободой выбора, за ними сохранялось право принятия федеральной схемы, равно как и установления прямых отношений с центральной властью и метрополией. Однако «Федеральная схема» так и не была введена в действие в силу отказа большинства правителей княжеств примкнуть к федерации: они хотели закрепления своего участия в делах провинций при сохранении гарантий своего обособленного от них статуса.

Закон об управлении Индией 1935 г. заставил ведущие политические партии Британской Индии, и прежде всего ИНК, изменить свою политику в отношении княжеств. Конгресс первоначально позиционировал себя как организацию, действовавшую лишь на территории провинций и придерживавшуюся политики невмешательства в дела княжеств. Попытки распространения своего влияния на территориях княжеств официально не декларировались. В середине 1930-х гг. ИНК включает княжества в орбиту своей политики и рассматривает территорию Южной Азии как политически единое целое. Резолюция Харипурской сессии Конгресса (1938) содержала положения о том, что будущая индийская федерация

должна включать в себя территории провинций и княжеств при равенстве прав их населения. Конгресс высказался в поддержку демократического движения в княжествах, в которых начали формироваться в 1930-е гг. силы, поддерживавшие позиции националистов провинций [Chandra, Mukherjee A., Mukherjee M., 1989, p. 358–362].

Представители Палаты князей, в свою очередь, искали оптимальную модель правления, сообразную современному развитию мировых держав. Демократия не обладала в их глазах привлекательностью, т. к. не сочеталась с идеей наследственной передачи власти. Монархии в своем традиционном виде не соотносились с процессами модернизации. Именно в этом контексте проявился их интерес в 1930-е гг. (во время Второй мировой войны индийские князья поддерживали военные усилия Великобритании) к Германии и Италии, с установившимися в них авторитарными диктаторскими режимами. Некоторые индийские князья искали встречи с Гитлером и Муссолини.

В 1940-е гг. деятельность ряда правителей княжеств, входивших в Палату князей, была связана с идеей создания Федерации княжеств как отдельного государственного образования, проектируемого на территории Южной Азии в процессе деколонизации субконтинента, наряду с образованием независимых доминионов – Индийского Союза и Пакистана. К идее создания Федерации княжеств склонялся глава Политического департамента по делам княжеств Конрад Корфилд, ставший оппонентом в «княжеском вопросе» последнему вице-королю Британской Индии лорду Маунтбэттену, отстаивавшему принцип обязательного присоединения княжеств к одному из двух доминионов. Ряд правителей планировали создание собственных независимых государственных образований (например, низам Хайдарабада – Осман Али Хан – с идеей преобразования его княжества в государство Османистан) [Zubrzycki, 2006, p. 190–195]. Сходные идеи разрабатывал и махараджа Джамму и Кашмира – Хари Сингх, который до подписания Акта о присоединении к Индии вынашивал идею создания на землях своего княжества «нейтральной территории».

Принятие «Плана Маунтбэттена» применительно к княжествам перечеркивало возможность создания независимых княжеских образований и «балканизации» Индии. «Закон о независимости Индии» предоставлял княжествам право войти в состав одного из доминионов – Индийского Союза или Пакистана. 25 июля 1947 г. лорд Маунтбэттен обратился к Палате князей и призвал их присоединиться к одному из доминионов, отказавшись от принципа «верховенства», сняв с британской стороны какие-либо обязательства в отношении княжеств и препоручив их лидерам ведущих политических партий – ИНК и МЛ [Черешнева, 2012, с. 320–322].

* * *

Отношение англичан к системе управления княжествами менялось во времени и определялось эволюцией колониальной политики в метрополии: от консервативных британских имперских концепций до идей преобразования Британской империи в Британское содружество наций. Выделяются этапы, различные по определению взаимоотношений «метрополия – княжества»: конец XVIII – середина XIX в. – период завоевания княжеских территорий и вступления в договорные отношения с князьями, заключение так называемых «субсидиарных договоров»; середина XIX – начало XX в. – утверждение «принципа верховенства», т. е. непосредственного подчинения князей английской короне; начало XX – 30-е годы XX в. – превращение княжеств в опору британцев в борьбе с националистами Британской Индии; 1930-е гг. – 1947 г. – постепенный отход от политики покровительства и предоставления привилегий князьям по мере налаживания диалога британских властей с ведущими политическими партиями Британской Индии – Индийским национальным конгрессом (ИНК) и Мусульманской лигой (МЛ).

Обретение независимости Индией и Пакистаном обернулось «потерей независимости» для княжеств. Княжества превратились в уникальную политико-культурную систему, «канувшую в Лету» в 1947 г. Начался новый этап во взаимоотношениях колониальных и

зависимых территорий Южной Азии и бывшей метрополии, связанный с процессами интеграции княжеств в доминионы Индийский Союз и Пакистан, подготовки к приобретению доминионами республиканского статуса, а также преобразованию Британского содружества наций в Содружество наций, что соответствовало уже новому характеру отношений бывшей метрополии с бывшими колониями, добившимися статуса суверенных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. *История Индии*. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2018 [Alayev L.B., Vigasin A.A., Safronova A.L. *The History of India*. Moscow: GAUGN-PRESS, 2018 (in Russian)].
- Девяткина Т.Ф. *Ликвидация княжеств в современной Индии*. М.: Наука, 1961 [Deviatkina T.F. *Liquidation of the Princely States in Modern India*. Moscow: Nauka, 1961 (in Russian)].
- Неру Дж. *Открытие Индии*. Пер. с англ. Книга вторая. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989 [Nehru J. *The Discovery of India*. Transl. from English. Book Two. Moscow: Political Literature Publishing House, 1989 (in Russian)].
- Сафронова А.Л. Южная Азия в макроструктуре Британской империи. *Всемирная история в 6 томах. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1*. М.: Наука, 2017. С. 551–574 [Safronova A.L. South Asia in Macrostructure of the British Empire. *The World History in 6 vol. V. 6. The World in the 20th century: the Epoch of Global Changes. Book 1*. Moscow, 2017. Pp. 551–574 (in Russian)].
- Черешнева Л.А. *Радуга над Красным фортom: раздел колониальной Индии в 1947 г.* М.: Вост. лит., 2012 [Chereshneva L.A. *Rainbow over Red Fort: Partition of Colonial India in 1947*. Moscow: Vost. lit., 2012 (in Russian)].
- Allen C., Dwiwedi S. *Lives of the Indian Princes*. Mumbai: Eeshwar, 1986.
- Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. *India's Struggle for Independence*. New Delhi: Penguin Books, 1989.
- Collins L., Lapierre D. *Freedom at Midnight*. New York: Simon and Schuster, 1975.
- Copland J. *The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917-1947*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Documents and Speeches of the Indian Princely States*. Delhi: Manohar, 1985.
- Dwiwedi S. *The Maharaja and the Princely States of India*. Delhi: Manohar, 2000.
- Ferguson, Niall. *Empire. How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books, 2003.
- India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia*. Ed. by B. Pati and W. Ernst. New Delhi: Penguin Books, 2010.
- Morris J. *Pax Britannica. The Climax of an Empire*. London: Penguin Books, 1998.
- Paul J. *The Unforgettable Maharajas*. New Delhi: Roli Books, 2003.
- Ramusack B. *The Indian Princes and their States*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Ruling Princes and Chiefs of India: A Brief Historical Record of the Leading Princes and Chiefs in India with a Description of Their Territories and Methods of Administration*. Lahore: Sang-e-Meel Publications, 2005.
- Zubrzycki J. *The Last Nizam. The Rise and Fall of the India's Greatest Princely State*. Sydney: Picador, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САФРОНОВА Александра Львовна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alexandra L. SAFRONOVA, DSc (History), Professor, Head of Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.